

Старики

Хранителями обычаев в казачьей станице всегда оставались старики. Не занимая никакой официальной должности в структуре казачьего самоуправления, они всегда играли громадную роль в общественном мнении, которое и было основой казачьей демократии. Без одобрений стариков ни одно распоряжение атамана не выполнялось.

При словах «старики сумлеваются» или «дяды не велять!», вопросы отпадали сами собой.

Принимая какое-либо решение, атаман обязательно советовался со стариками и заручался их поддержкой. Таким образом, не обладая никакими юридическими или законодательными правами, старики были памятью и совестью станицы и играли в ней значительную роль.

Обычно «в старики» выходили по заслугам и по возрасту. Это были люди в большинстве своем старше 61 года. Именно к этому времени казак бывал уволен от службы и освобожден от всех войсковых повинностей, и по выборам на сходе не числится отставным казаком, т. е. освобождается и от денежных повинностей. Как правило, это казаки из крепких патриархальных исправных зажиточных семей, с достатком, где в их труде не нуждались, или заслуженные воины.

Они составляли род законодательного собрания и службу постоянного наблюдения за жизнью и нравственностью станицы, воспринимая собственное свое положение как продолжение казачьей службы Богу и Отечеству, под которым подразумевались в первую очередь станичники или родные хуторяне, т. е. все станичное общество.

А служба стариков состояла в том, что с рассвета до заката, они при хорошей погоде сидели на майдане на специальной скамье у церковной ограды, а в ненастье и зимой — в станичном правлении. Внутреннее распределение обязанностей среди постоянного состава стариков никак не оговаривалось и устанавливалось само собой.

Поскольку служба стариков требовала полной самоотдачи, то немощные или неспособные от нее сами устранились. Таким образом, совет стариков действовал постоянно и непрерывно. Во время войны некоторые старики уходили из собственных домов и ночевали либо в станичном правлении, давая отдохнуть караульным, либо в церкви, где, сменяя друг друга, непрерывно молились. Занять место на скамье у церковной ограды мог не любой старик преклонного возраста, а только «дельный и толковый». Когда старик совсем слабел, он приходил изредка, встречаемый всегда с уважением и как равный.

В приграничных станицах во время нападения на станицы врага старики оставались на майдане, координируя боевые действия защитников, вселяя уверенность в победе своим невозмутимым спокойствием. Поскольку майдан и церковь находились в центре станицы, то при поражении старики погибали в числе последних защитников,

как правило, в церковном алтаре, защищая святыню. Не отступали и не покидали в беде станицу или хутор никогда. Так, старики нескольких станиц ушли на дно Цимлянского водохранилища, не покинув скамьи на майдане.

Во время репрессий Гражданской войны красные расстреливали стариков в первую очередь, таким образом, сразу лишая станицу памяти, совести и веры...

Старики пользовались заслуженным уважением и искренней любовью. Они особенно щепетильны были в одежде, всегда опрятной и исправной. Приметой старика был посох, который являлся символом его положения. Старик обязан был быть приветлив, немногословен, значителен. Как правило, старики не курили вообще, и никто не мог закурить ни рядом с их скамьей, ни в церковной ограде.

Анатолий Коробкин "Старый казак"

Передвигались старики по станице мало, памятуя, что течение реки понятнее тому, кто неподвижно стоит на берегу, а не бежит за водою. В гости друг к другу ходили редко. Совместно отмечали только особо значительные даты. Поэтому, если по улице шел человек, опираясь на посох, ему уступали дорогу даже вооруженные казаки, ибо он, скорее всего, следовал по делу или по просьбе атамана.

Общение со стариками требовало определенного знания правил вежливости. Младший никогда не обращался к старшему без предварительного разрешения. Без разрешения стариков не мог сесть даже атаман. При них казаки строевых возрастов, при погонах, стояли по стойке «смирно», молодежь нестроевых возрастов и без формы — сняв шапку.

На майдане старики привставали со скамьи только тогда, когда мимо них в церковь проходил священник или полный Георгиевский кавалер. Атамана и наиболее уважаемых людей приветствовали, приподнимая картузы.

Сесть на их скамейку мог только атаман, что означало его желание что-то спросить у стариков или обратиться к ним с просьбой.

Часто совершали они своеобразные инспекционные посещения бедных, неблагополучных семей. Могли прийти в дом к богатому казаку с тем, чтобы попросить помощь для вдовы или средства на поддержание какого-нибудь предприятия, снимая с атамана эту необходимую, но неприятную для него обязанность.

Особое отношение было у них к детям. Так, наиболее смышленного паренька не старше 10 лет они могли пригласить «посидеть с ними на лавочке» несколько часов или день. Это бывало своеобразной наукой и означало, что старики видят в этом казачонке будущего хранителя обычаев. Часто экзаменовали детей на знание молитв.

Старики могли взять деньги от казака, желающего «дать на бедных». И сами решали, кому из малоимущих или какой вдове, деньги передать. В бедные семьи без гостинца не ходили.

Приход старика бывал всегда событием: либо радостным, либо строгим предупреждением, после которого обычно следовал вызов к атаману и наказание, в случае, если провинившиеся «прихоти свои, глупства и химеры» не оставляли.

«Отобедать» старики всегда отказывались, изредка соглашались, в знак особого расположения, выпить чаю, что для старика было поводом по мельчайшим приметам удостовериться, сыты ли дети, не обижают ли сироту, взятую в дом, и т. д.

Старики могли усюветить и устыдить. Они же могли ходатайствовать перед атаманом о выдаче в ту или иную семью ссуды или иной помощи, О замечании, полученном от старика, ребенок был обязан тут же сообщить родителям, а взрослый — атаману или священнику на исповеди.

Субординация выдерживалась строго. В мирное время возраст играл большую роль, чем воинское звание на войне и в службе.

Спеть песню или выпить вина старик мог только в окружении своих погодков и никогда с младшими, если это специально не оговаривалось, как поощрение молодым. Обусловливалось это еще и тем, что старики строго соблюдали все посты, а многие придерживались монашеских правил и не ели убоины вообще.

В собственном доме они бывали несколько удалены от семьи. По возрасту, они могли быть прадедами, но хотя правнуки их обожали, сами старались своею стариковской любовью детей не баловать. Жили особняком в отдельных комнатах или углах, питались отдельно, в семейные дела старались не входить, обременяя женщин только тем, что после бани сдавали им свое белье, получая чистое.

Когда старик умирал, в траур погружалась вся станица. При несении гроба под левый угол становился атаман, под правый — следующий за ним чин, чаще всего станичный писарь, или офицер, георгиевский кавалер и т.п. Чаше всего, старики имели георгиевские кресты или иные боевые награды, тогда гроб несли только георгиевские кавалеры, часто для этого приезжавшие из других станиц и хуторов.

Старик в доме жил на положении уважаемого, почитаемого постояльца, главою же семьи был Сам - тот, кто считался старшим — так сказать, «действующим» главою рода. На нем, собственно, держалось все хозяйство и материальное благосостояние семьи. На положение старика он переходил либо по возрасту, либо овдовев.